

Леонид ШУР

ОДНИ СУТКИ

4 сказки

Леонид ШУР

Одни сутки

<https://litres.ru/73893548>

SelfPub; 2026

Аннотация

В лесу, где когда-то расстались четыре цветка, Синяя Сова и жёлтый Жаворонок полюбили друг друга. У них родился белый Голубочек, тот кого слышали свет и тишина.

Это не биология. Это лесная физика. Чудеса не спросили разрешения — просто случились.

Но однажды родители перестали слышать друг друга.

Под старой сосной поселился Шептун — живой ком из мошек, чтобы есть чужие ссоры.

Сорока задумала отомстить Жаворонку.

Чёрный Ворон тосковал в пустом гнезде — пока однажды не нашёл Чайку, но счастье было недолгим. Где-то далеко, во льдах, Старый Кит ждал песню, которую забыл.

Четыре сказки об одном: можно ли помириться и жить вместе, когда кажется, что всё кончено?

Эта книга — не про птиц. Она про родителей и детей. Про тех, кто забыл, как слышать. И про тех, кто пытается вернуть то, что потеряно.

Помириться никогда не поздно.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Леонид ШУР

Одни сутки

Глава 1

ВВЕДЕНИЕ

Сказка о том, как любовь зажгла свет в самой глубокой тьме

*«Всё, что разошлось, сойдётся,
Что молчало, запоёт,
И согреет сердце солнце,
Будто нет нигде невзгод»*

Говорят, когда двое ссорятся, под землёй вырастает одна мошка.

*А когда мирятся, над землёй пролетает один светлячок.
Лес помнит каждую мошку и каждого светлячка,
а ещё тех, кто промолчал, когда надо было крикнуть.
И тех, кто крикнул, когда надо было промолчать.
Таких лес не судит. Он просто ждёт. Потому что лес умеет ждать.*

Лови сказку про то, как научиться выбирать свет, не бо-

ясь темноты.

Доброго времени суток, друзья мои! Спасибо, что открыли мои сказки.

Теперь они ваши. Я посвящаю их моим близким, которые научили меня

слышать тишину между их голосами, и всем детям, которые светят в темноте.

Сказки не рассказывают — они дышат тебе в ухо, пока никто не видит.

Одни весело поют, как птицы на рассвете.

Другие печально кричат, как звери на закате.

Третьи молчат — так громко, что звенит в ушах.

А есть четвёртые, что открывают тишину между словами.

Пять лет назад я придумал притчу «Нептицы». Про каждого из нас.

А в 2026 году переделал в эту сказку из сказок — о том, как тишина нашла свою песню.

Жаворонок будит солнце.

Сова хранит вечерние тайны.

А Голубю уютно всё время.

Но есть и кто-то четвёртый, которому всегда плохо.

*Я придумал методику «Матрица ШУРА»,
где 4 разных складываются в одно целое.*

Но тут я сочинил не учёный трактат, а книгу из 4 книг.

Чтобы понять, как устроены мы и наш мир.

*Это не схема, а путь по 4 этапам жизни в лесу,
где каждый найдёт своё отражение.*

Четыре героя:

синяя Сова — тишина и мудрость,

жёлтый Жаворонок — песня и радость,

белый Голубочек — любовь и связь,

*и даже тёмный Шептун — тень и боль, которые делают
иные цвета ярче.*

*Все они нужны, чтобы быть целым. Без трудностей не
узнаете счастья.*

*Пройдите по четырём сказкам внутри одного леса и най-
дите что-то своё.*

*Подростки и родители, пожилые люди и семьи, читайте
вместе!*

*Особенно, если устали от шума и темноты. Где бы вы
ни жили. Но важно,*

чтобы жили для добра. Ведь побеждать зло можно.

Главное — не становиться злом.

Любая битва начинается со спора.

Мох — это споровое растение, поясняли ботаники.

Не спорьте и не сражайтесь.

Голубь мира вам в помощь. Он же Голубочек.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

1-я сказка. ГОЛУБОЧЕК

Часть 1.1. Любовь и кукушка

Часть 1.2. Белый птенец

Часть 1.3. Растёт сынок

Часть 1.4. Наводнение и красный мак

2-я сказка. СОВА И ЖАВОРОНОК

Часть 2.1. Сердце леса и синяя медуница

Часть 2.2. Семейное гнездо

Часть 2.3. Рушащий шёпот

Часть 2.4. Песня света

3-я сказка. ТРИ ЗВЕЗДЫ

Часть 3.1. Спасти ледяного Ворона

Часть 3.2. Дыра в небе

Часть 3.3. Зайчонок

Часть 3.4. Жёлтый адонис

4-я сказка. ЧЕТВЁРТЫЙ СЕЗОН

Часть 4.1. Я чайка

Часть 4.2. На север

Часть 4.3. Загадки Кита

Часть 4.4. Возвращение и белый кипрей

Послесловие

ПРЕДИСЛОВИЕ

◆ Утро.

Земля треснула в четырёх местах рядом. Четыре ростка
пробились к свету.

Красный мак поймал первый луч — и вспыхнул.

Синяя медуница склонилась к траве — собрала росу в чашечки.

Жёлтый адонис потянулся к ветру — заслушался.

Белый кипрей встал у древнего камня — прямо и неподвижно.

Под землёй их корни сплелись. Тесно. Тепло.

Червячок прорыл ход между ними. Он никогда не видел солнца, но

чувствовал его тепло через корни.

— Там ярко, тут мягко, — пискнул он.

— Рой дальше, — ответили корни.

Он рыл. Они росли.

Червячок спросил: «Что там, наверху?»

Корни ответили: «Свет».

— А он тёплый?

— Очень приятный.

Червячок стал рыть быстрее.

◆ Полдень.

Солнце поднялось в зенит. Тени исчезли.

Мак распахнулся шире — и накрыл медуницу своей тенью.

— Холодно, — прошептала медуница.

— Мне нужен свет, — ответил мак.

Адонис потянулся вверх — задел чашу мака.

— Ты заслоняешь небо, — качнулся адонис.

— А ты давишь на мои корни, — отозвался кипрей.

Они тянули в разные стороны. Лепестки соприкасались — и отстранялись.

По стеблям побежали трещины.

Сорока пролетела низко. Её тень накрыла всех сразу. Стало темно и страшно.

Серые мошки выползли из-под коры. Старые. Голодные. Они ждали этого

часа. Облепили стебли. Зашептали:

— Разойдитесь! Так будет легче!

— Разойдёмся, — сказала медуница.

— Куда? — спросил мак.

— На все четыре стороны, — ответил адонис.

Тишина накрыла поляну.

◆ Дождик.

Туча сгустилась. Небо разжалось. Капли ударили по листьям — зазвенели.

Упали в ручей — забулькали. Впитались в мох — промолчали. Лес

слушал. Не двигался. Только шелест да стук. Дождик не спрашивал

разрешений. Он лил воду вниз.

Мак наклонился — закрыл медуницу от града.

Медуница развернулась — направила струи к корням адониса.

Адонис согнул стебель — прикрыл кипрей от порывов.

Кипрей упёрся в камень — держал всех, хотя самому было больно.

Червячок прорыл путь влаге вниз. Подземные ходы не дали воде застояться.

Он трудился так, что у него заболела спина. Но не остановился.

Мошки испугались дождика. Расползлись.

Корни встретились, чтобы согреться вместе.

Дождик стих. Капли висели на лепестках, как слёзы, которые никто не хотел

показывать.

Ворон уронил пуговицу из гнезда. Она закатилась под корень. Червячок её приспособил вместо столика.

— Мы сильны вместе, — прозвенел адонис.

— Но тесним друг друга, — вздохнула медуница.

— Дадим корням память, — сказал кипрей.

Мак промолчал. Красные лепестки дрогнули и сжались.

Червячок крикнул из-под земли: «Вы сплетены корнями. Не ссорьтесь!»

Цветы не слышали.

◆ Ветер.

Ночью поднялся холодный, северный ветер. Он дул с такой силой, что

стонали стволы деревьев.

Он сорвал лепестки мака и бросил на восток.

Он вырвал с корнем медуницу и унёс на запад.

Он сломал адонис и швырнул на юг.

Он выдул кипрей из земли на север.

Цветы увяли. Каждый в своей стороне.

Они не могли жить рядом. Слишком разными были. Но и порознь жить не

могли — так привыкли друг к другу.

Ветер разлучил их навсегда.

Остались только корни, переплетённые глубоко под землёй.

◆ Рассвет.

Над землёй — пустые прогалины. Четыре безмолвных пятна.

Но под землёй корни не умерли. Они сплелись ещё крепче. Дышали за всех.

Хранили и передавали воду и тепло.

Над землёй — четыре стороны света. Под землёй — одно целое.

Четыре цветка разлетелись. Но их семена остались. И те, кто когда-нибудь

вырастет на этих местах, тоже потянутся друг к другу. Хотя бы там, где

никто не видит.

Глубоко внизу, у самого Сердца леса, Червячок прижался к горячему корню

дуба и прошептал: «Они всё равно вместе. Я знаю. И не только я». Впервые

он понял: тишина — это не когда молчат. Это когда слышат.

Сердце Леса стукнуло раз. Потом другой.

Третий и четвертый разы — уже для всех, кто когда-нибудь вернётся.

И продолжило ровно и спокойно.

А выше начинались кусты и деревья.

Там ждали те, кто умеет слушать тишину. И те, кто боится её больше смерти.

Там жила Сова, которая видела в темноте то, что другие прячут при свете. И Жаворонок, чья песня могла разбудить даже мёртвую душу. И маленький Голубочек, который ещё не знал, что его тишина станет громче любого крика.

Говорят, если в полночь прижаться ухом к земле на том месте, где

когда-то росли четыре цветка, можно услышать не только трепет корней, но

и далёкий стук — будто кто-то пробивается наверх. Это те, кто помнит.

Это те, кто вернётся.

Каждый цветок начнёт свою удивительную новую жизнь. Уже совсем скоро.

Лес уже ждёт. За первой поляной — тишина, которая громче слов. И

слова, которые никто не решался произнести.

А за ними — четыре истории.

История каждого нового цветка.

История каждого, кто когда-то разошёлся в разные стороны, но оставил корни в одном Сердце.

Продолжение ищите в Сказке 1 «ГОЛУБОЧЕК».

АНОНС:

Жаворонок и Сова живут вместе. Кукушка пытается мешать семейному счастью. У них рождается белый Голубочек. Но Ворон замечает трещину на небе. А под старой сосной начинают собираться серые мошки.

1-я сказка. ГОЛУБОЧЕК

Там, где встретились свет и тень,
распустился красный мак.

Часть 1.1. Любовь и кукушка

В ту ночь, когда треснуло небо, лес вспомнил всё. Даже то, что старался забыть. Муравьи говорили: это случилось давно, когда звери понимали язык ветра, птицы ничего не боялись, а цветы хранили тайны. А случилось вот что.

Как-то летом Жаворонок встретил Кукушку.

Она сидела на берёзе, пересчитывая чужие гнёзда.

— Привет! Кукуешь одна? А я пою!

— Тогда пой, пока роса на листьях, — сказала Кукушка

Жаворонку. —

Потом перерыв. Я буду говорить «Ку», когда тебе петь.

— А если я не смогу?

— Ты что, не умеешь подчиняться?

Жаворонок сказал: «Я умею петь. Этого достаточно».

— Тебе слабо? Дятел вон стучит ровно каждые четыре секунды. Ну что,

кукарекнем на весь лес? Тик-так. Ку-ку. Пой. Стой. Снова пой.

Жаворонок спел раз, потом через три минуты. На шестой минуте охрип. На

девятой забыл, зачем вообще поёт. На двенадцатой его песня стала похожа

на скрип старой осины. На пятнадцатой после сигнала Кукушки он молча

покачал головой в стороны.

Кукушка отмахнулась крыльями: «Ку-ку! Ты не вписываешься. Слышишь, как

Дятел стучит? Без сучка и задоринки. Мне нужно, чтобы всё шло по часам».

Жаворонок отмахнулся, сел и закрыл голову крыльями.

— А тот, кто непослушен, тот никому не нужен, — продолжила кукушка.

— Счастье — это когда всё по расписанию!
И улетела к Дятлу.

Жаворонок опустил голову, прикрыл глаза крылом и замер, пока ветер не унёс последний звук её голоса. Ветка качнулась под его весом.

— Никому не нужен, — подумал он.

Рядом пролетала Сова.

— Ты чего такой грустный? — спросила она.

— Меня оставила Кукушка. Я не умею петь по графику.

— А зачем это?

— Чтобы быть удобным.

Сова зевнула, прикрыв глаза.

— Надо быть собой. Я вообще ночью летаю. Хочешь, научу тебя танцевать?

— Собой быть страшно. А если у меня не получится танцевать?

— Тогда научишь меня петь.

— А если и это не получится?

Сова посмотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Тогда будем просто сидеть рядом. Я слышала, это тоже полезно.

— А если я спою громко и фальшиво?

— Я не разбираюсь в нотах. Но, кажется, я умею прощать.

Или закрою уши

крыльями. Главное — чтобы ты пел от души.

Жаворонок поднял голову.

— А ты не улетишь?

Сова моргнула. Два жёлтых глаза блеснули в темноте.

— Ночью я летаю. Но сейчас ночь прошла. Если улечу, вернусь. И ты

всегда возвращайся.

Жаворонок открыл глаза. Совы рядом не было. Всё оказалось сном.

Ветка треснула. Он упал, расправил крылья — и увидел Сову.

Она сидела на том же суку, только ниже. Смотрела на него.

— Ты опять упал? — спросила она.

— Я искал.

— Кого?

— Ту, что не затыкает уши, когда я пою.

Жаворонок пел на рассвете. Сова летела спать. Они столкнулись в воздухе.

Упали в кусты. Вылезли — оба в репейниках. Жаворонок рассмеялся. Сова разозлилась.

— Ты не смотришь куда летишь, — сказала она.

— А ты не слушаешь, — ответил он.

Разлетелись в разные стороны. На следующий день снова столкнулись.

Жаворонок специально искал её. Сова делала вид, что случайно.

В той стороне леса, где дубы подпирали небосвод, на самом высоком из них

Синяя Сова и Жёлтый Жаворонок стали жить вместе.

Сова рассказывала, кто прячется за вечерними шорохами.

На исходе ночи он садился рядом и клал крыло на спину Совы.

Так они провожали последнюю звезду.

Потом он взлетал и кричал солнцу: «Вставай, лежебока!» — и песня его

летела на восток. Он будил лес так звонко, что берёзовые серёжки

пускались в пляс, а сон-трава просыпалась. Он обещал: после ночи придёт

день, после тишины — песня.

Но на опушку приземлялся неумело. Кузнечики брызгали во все четыре стороны.

Каждый вечер его клонило ко сну, а она вовсю хлопотала по хозяйству.

Ворон вечером на дубе том увидел спящих в обнимку Со-

ву и Жаворонка. На

мгновение присмотрелся.

Ворон вспомнил ветер, крики родителей, падение.

— Если они будут так же кричать, их гнездо тоже развалится, —

подумал Ворон и направился к себе домой.

В полночь Ворон проснулся и встрепнулся: «День с ночью в одном гнезде?

Порядок нарушен!»

Старый шрам заныл на крыле, и Ворон вспомнил тот день.

Мать кричала отцу: «Ты чересчур мягок! Он будет таять, словно снег!»

Отец гремел в ответ: «А ты чересчур жестока! Он станет льдышкой!»

Они выдирали перья друг у друга, а маленький Воронёнок вжимался в дно

гнезда.

Потом ветер дунул — и гнездо развалилось. Воронёнок полетел вниз,

цепляясь за воздух, и только в последний миг отец подхватил его. Но

ветка оставила на крыле глубокий шрам. Любовь не смогла удержать гнездо.

Ворон посмотрел на гнездо Совы и Жаворонка. Ветер качнул ветку.

— Не развалитесь, — негромко каркнул, сам себе не веря.

* * *

Сова услышала, как Кукушка подговорила Дятла простучать: «Разные ритмы

— разобьются».

— Улетай, уже вечер, — сказала Сова Жаворонку. — Я приношу

темноту.

— А я — шум с утра, — ответил он.

— Нас разлучат.

— Кто?

— Все.

* * *

Ночью Жаворонок просто искал. Врезался в ветки. Падал. Вставал. Нашёл её

на старом дубе.

— Зачем прилетел? — спросила Сова.

— Я не умею жить без темноты. Оказывается.

Она молчала. Он сел рядом.

— Ты боишься света? — спросил он.

— Нет. Боюсь, что ты меня ослепишь и улетишь.

— Тогда не смотри на меня. Слушай.

Он запел. Тихо. Только для неё. В темноте. Она закрыла глаза. Не

открывала, пока он не закончил.

— Спой ещё, — сказала она.

— Всю ночь? — спросил он.

— Всю.

Сова и Жаворонок сели ближе, чем обычно. Потому что, наконец, поняли,

как дышать в одном ритме.

* * *

Утром они сидели рядом. Сова не улетела спать. Жаворонок не улетел петь.

Лес молчал. Ворон каркнул один раз и затих.

— Что теперь? — спросил Жаворонок.

— Теперь строим гнездо, — сказала Сова.

— Где?

— Там, где темно и светло одновременно. В сумерках.

Они свили гнездо на старом дубе, где утром солнце, ночью звёзды. И никто

больше не говорил, что они разные. Потому что сами ска-
зали себе это

первыми и остались вместе.

Дятел стучал. Кукушка села рядом и начала что-то рас-
сказывать. Он не

посмотрел на неё. Она передохнула и принялась считать
удары. На

двадцатом забыла, зачем считает. На сороковом уснула.

Проснувшись, спросила Дятла:

— Почему у Жаворонка всё получилось, а у нас — нет?

Почему ты меня

не слушаешь и не слушаешься?

Дятел достал клюв из дубовой трещины и сказал: «Они не стучат и не

считают. Они не указывают, что кому делать. Они просто рядом».

— Не указывай, что мне делать. Я лучше знаю, — возмутилась Кукушка,

— и никогда не повышай на меня голос! Понял?

Дятел снова застучал.

Утром Жаворонок принёс большую бруснику. Положил перед Совой. Та спала.

Он тихо сел рядом. Ждал. Проснулась, увидела ягоду, посмотрела на него.

— Это мне?

— А кому ещё? — Жаворонок отвернулся.

Сова съела.

— Ты мой сладкий.

— Это малина сладкая.

— Нет, — сказала Сова. — Это ты бруснику принёс.

— Я хотел, чтобы ты проснулась и улыбнулась!

Ночью Кукушка плакала, и стало накрапывать. Жаворонок спал. Сова

развернула крыло и накрыла его. Жаворонок не проснулся. Просто перестал
вздрагивать.

Утром он встал сухой и увидел, какая она мокрая.

— Ты почему не разбудила?

— Ты песни сочинял во сне про меня. Я не знала, что я могу сниться.

— Чуть позже мы спустимся на пригорок. Я позову солнышко, и оно тебя
высушит.

Жаворонок обнял Сову и грел до рассвета.

Часть 1.2. Белый птенец

Сова потеряла дорогу к дому — с утра всё выглядело иначе. Жаворонок

насыпал для неё дорожку из блестящих камушков. Но Белочка приняла их за

орехи и утащила, а когда рассмотрела — выбросила. Сова долго кружила

над тропинкой, которая привела... прямо на пенёк. Жаворонок расхохотался

и свалился с ветки в багульник. Сова не удержалась и рас-

смеялась.

Солнце слепило Сову глаза. Она сплела шляпу из двух ло-
пухов.

— Я красивая? — спросила у Жаворонка.

Шляпа съехала на клюв и закрыла ей пол-леса.

Жаворонок присмотрелся к Сове: «Ты похожа на шампи-
ньон. Слышал, что у

дамы на голове это прекрасно!»

Сова фыркнула и легонько клюнула его в хохолок: «Дама
носит шиньон, а не

шампиньон!»

Поправила шляпу, и они полетели завтракать травками на
луг.

Утомлённая солнцем, Сова чуть не наступила на Лягушку
в траве. Жаворонок

крикнул так резко, что она взмыла в воздух в последнее
мгновение.

— Спасибо, — улыбнулась она вечером. После этого он
охрип на целый

день. Но только улыбался: «Пустяки. Главное — все це-
лы».

— Как жаль, — думал Жаворонок, глядя на Сову в сумра-
ке, — я не

могу подарить ей тепло своего луга.

— Если бы он хоть раз почувствовал прохладный шёлк
моих звёзд, —

вздыхала Сова.

Жаворонок утром пел на дубе. Сова ночью возвращалась.

Гнездо стало шире.

Там появилось яйцо. Белое, как первый снег. Если приложить ухо, внутри

стучало будущее. Уверенно и бесстрашно.

У Совы и Жаворонка появился сыночек. Белый Голубочек.

Он родился в ту секунду, когда мама замолчала, а папа ещё не запел.

Гнездо пахло соломой и лишайником. Голубочек принюхался — и не нашёл,

где кончается мама и начинается папа.

Сова сказала: «Наш».

Жаворонок сказал: «Между нами».

Голубочек открыл глазки. Посмотрел на маму. Посмотрел на папу. Закрыл.

Птенец был похож на новый день, который ещё не научился говорить, —

только слушал и спрашивал.

Снизу смешивались ароматы мяты, прелых листьев и утренней росы, которая

ещё не решила, во что превратиться. В пар или в ручеёк.

«Сыночек» — первое слово, которое они выучили вместе.

Но восторг быстро сменился растерянностью.

Голубочек не выбирал между Утром и Вечером, а жил между ними.

Когда Сова жаждала тишины, сын тыкал клювом в небо — покажи звезду.

Когда Жаворонок запевал рассвет, сын уже спал, уткнувшись носом в пух.

— Так нельзя, — догадались оба.

Утром Жаворонок уносил сына в луга — пока мама спала.

Вечером Сова кружила с ним над лесом — пока папа отдышал.

В гнезде всегда стояли сумерки.

Тёплые от папиной песни.

Тихие от маминых звёзд.

Голубочек не спал. Он клал лапку на мамин бок, а клювик прижимал к

папиному крылу. И дышал так, чтобы один вдох совпадал с маминой тишиной,

а выдох — с папиной песней. Лес рядышком притих. Даже ветер ходил на цыпочках.

Кукушка сидела на сухой осине и следила за лесом.

Видела, как Лиса грела нос на солнце и тот почернел.

Слышала, как Дятел стучал без остановки, пока у него не

закружилась

голова. Заметила, как у Зайчонка слиплись уши после того, как он промок под дождём.

Мимо прополз Ёжик.

— Ты чего мрачная?

— Считаю. У лисы хвост, у дятла голова, у зайца уши. А у тебя?

Ёжик пожал плечами и укатился.

Кукушка посмотрела на гнездо Совы. Оттуда доносилось ровное дыхание

троих. Она взяла еловую шишку, стала укачивать.

— Будешь моим птенцом. Хоть не улетишь.

Шишка молчала. Кукушка взяла её в клюв и улетела в ту сторону, где никто не вил гнёзд.

На следующее утро, когда Сова и Голубочек ещё спали, а Жаворонок уже

делал утреннюю зарядку, Кукушка привела Сороку.

— Познакомьтесь. Она очень интересно рассказывает.

Сорока села, сложила крылья и застрекотала:

— А ты знаешь, где Ёжик потерял иголку? А почему Мышка боится темноты?

А кто украл у Ворона пуговицу?

Жаворонок открыл клюв ответить — не успел. Сорока уже спрашивала

дальше.

Через три минуты Жаворонок закрыл голову крылом.

— Отстань.

— А я не приставала, — обиделась Сорока. — Я просто летела мимо.

Но мы ещё встретимся.

Ночью Жаворонок не спал. Сова улетела считать звёзды. Он сидел в гнезде

со спящим сыночком.

— Ты чего не спишь? — спросил Ворон.

— Жду.

— Она вернётся.

— Чтобы знала, что её ждут.

Жаворонок уснул, свесив голову.

Сова вернулась, подложила под его голову мох.

Утром он сказал:

— Я думал о тебе. С закрытыми глазами удобнее. Я не хочу, чтоб ты была

одна в темноте. Хочу с тобой летать в темноте.

— Разобьёшься ещё. Давай будем болтать и не смешивать день и ночь.

Вечером Сова принесла лунный камень. Положила перед

Жаворонком.

— Ночью он светится. Чтобы ты видел дорогу.

Жаворонок на следующее утро принёс солнечное перо.

— Я сделал из луча. Чтобы ты не мёрзла.

Они обернулись и увидели, как Голубочек играет с камнем и пером.

На рассвете Жаворонок сказал:

— Пой.

Сова раскрыла клюв. Вылетел хрип. Сорока засмеялась.

— Ещё, — сказал Жаворонок.

Сова попробовала снова. Тише. Хрип повторился.

— Ещё.

На третий раз из горла вылетел низкий звук. Один. Потом тишина.

— Это нота! — воскликнул Жаворонок.

Сова кивнула и вздохнула.

— Больше я не буду пробовать!

— Кушать когда будет подано? — возмутился Голубочек.

* * *

Сова стала просыпаться раньше и слушать утренние песни.

— Давай со мной! — звал Жаворонок. — «Солнышко, поднимайся!»

Сова тянула: «Со-ол-ныш-ко... вста-вай...»

Жаворонок смеялся, Сова фыркала.

А вечером Сова учила его танцевать: «Не прыгай. Надо плыть».

Жаворонок попробовал — получился подскок.

— Зачем плыть, если можно взлететь? — удивился он.

Иногда Сова трогала его тёплое крыло, чтобы не заснуть.

Жаворонок засиживался допоздна, смотрел на звёзды и учил их названия. А

когда ошибался, Сова смеялась так, что с ветки падали жёлуди.

— Научите меня петь и танцевать! — попросил Голубочек и заснул.

* * *

Сова и Жаворонок угощались любимыми напитками друг друга.

Чай в чашке Совы был тёмно-синим и пах звёздами.

Кофе Жаворонка — золотым и пах солнцем.

Когда чашки стояли рядом, напитки соединяла радуга.

Сова попробовала кофе и сказала: «Горячит. Как ты, когда поёшь».

Жаворонок отхлебнул чай: «Успокаивает. Как ты, когда молчишь».

— Зато теперь я вижу твои сны, — расслабилась Сова.

— А я нашёл мать-и-мачеху, — встрепнулся Жаворонок.

— Лист тёплый

с одной стороны, холодный с другой. Как мы вместе.

Сова плеснула ему чая в кофе: «Попробуй, как это смешивать!»

Жаворонок отхлебнул и поморщился.

— А я видела, как ты в лужу упал, — съязвила Сова.

— Пойдём гулять, — проснулся Голубочек.

— Ночь уже, — ответил Жаворонок.

— Ничего! — улыбнулась Сова.

Часть 1.3. Растёт сынок

Ёжик решил давно: быть с Мышкой не суждено. Даже срифмовать пытался:

«Мышка — ночь, я — день. Вместе — тень». Выучил. Но не сказал.

Решил, что стыдно.

Он пробуждался днём и носился по сухим листьям, она неторопливо гуляла

ночью по влажной земле.

Ёжик пожаловался Голубочку, а тот показал лапкой на самый гладкий

камушек.

Ёжик отнёс камушек к норке Мышки и укатился прочь, не дожидаясь ответа.

Мышка нашла камушек, втянула в норку и долго грела лапки. Тепло было

похоже на спящего Ёжика.

Лунный луч тронул дремлющего Ёжика за нос. Он чих-

нул, пробурчал «А мне
снилось, что мы с Мышкой летали» и перевернулся на живот.

Мышка в своей норке тоже видела этот сон. Но проснулась и долго не могла

понять: почему на душе так тепло, хотя рядом никого нет?
— Что дальше? — спросил Ёжик у Голубочка на следующий день

— Дари подарки, дружок! — улыбнулся Голубочек.

Каждый вечер Ёжик стал оставлять фиолетовую фиалку у входа в мышкину норку. Мышка в ответ утром клала на тропинку маленькое

яблочко. Они не разговаривали, но каждый знак согревал душу.

В полдень Сову разбудил Ворон.

— Кар! Там кошмар!

— Тише! Что случилось?

Ворон махнул крылом, и Сова полетела за ним.

На камне у ручья лежал Жаворонок, от него поднимался пар.

— Это он всю ночь не сомкнул глаз, — объяснила Сова,
— придумывал

новую песню для побудки леса.

— Его как-то спасать надо, — пожал плечами Ворон.

Сова понюхала воздух, пахнувший палёным пухом.

— Охлаждать, — сказала она. — Живо.

Ворон принёс охапку кленовых листьев.

Сова вырыла ямку. Перетащили и уложили Жаворонка, накрыли листьями и

обвязали ледяными камышами из ручья.

Жаворонок полежал немного и застучал клювом. Чуть вырвался. Заиндевелившие

перья встали торчком. Лапки посинели.

— Он замёрз, — выдохнула Сова.

— Мы его заморозили, — сказал Ворон.

— Это хуже, чем поджечь, — пробормотала Сова. — От огня хотя бы тепло.

Из травы высунулась Лягушка и сказала:

— Ква!

— Не до тебя, — отрезала Сова.

— Ква! Квалификация у вас никудышная. Жар лечат не холодом, а холод

— не жаром, — Лягушка взяла камешек, подержала во рту, положила

Жаворонку на грудку. — А вот так правильно.

Ворон и Сова сидели плечом к плечу.

Голубочек спал возле дуба, но проснулся от шума, добежал до ручья,

напился живой влагой, прибежал к Жаворонку и вы-

лил на лоб. Тот

открыл один глаз.

— Спасибо, сыночек.

Голубочек улыбнулся.

Жаворонок вздохнул и открыл второй глаз. Улыбнулся.

— Я ещё жив или уже мёртв?

— Спасибо, что живой, — квакнула Лягушка. — А я-то думала, у нас

получится сказка про тех, кто учится на ошибках. В следующий раз учи

песню в тени.

Она ускакала. Жаворонок сел, обнял Сову и Ворона.

— В следующий раз, — сказал Жаворонок, — буду учить песню днём.

— Лучше вообще не учиться, — зевнул Ворон. — Вы и так хорошо

поёте. Когда не дерётесь. А ещё запомните три правила леса:

1. Если молчишь, когда надо говорить — лес подставит корень, чтобы ты

споткнулся.

2. Если говоришь, когда надо молчать — лес кинет жёлудем.

3. Если миритесь — лес тихо радуется и перестаёт ронять шишки.

Пока Ворон рассказывал, Сова, Жаворонок и Голубочек

уснули в тени дуба.

Им никто не мешал. Ни Кукушка, ни Лягушка.

* * *

На закате Жаворонок не вернулся. Сова сперва не волновалась — мало ли

запелся где-то. Но на место солнца высыпали звёзды, а его всё не было.

Она облетела весь лес с громкими криками. Никто не отзывался.

Когда совсем стемнело, Жаворонок рухнул в гнездо. Пахло солнцем и

пыльцой. В клюве он держал пучок душистой травы.

— Ты не поверишь! Я нашёл поляну на восточном склоне.
— глаза

Жаворонка горели. — Там эхо! Если будем петь на расвете, услышит весь лес!

Сова неспешно повернула голову. Голос упал до шёпота, от которого стыла

роса:

— Ты хотел взять сыночка на рассвет? Когда я учу его видеть в темноте?

Ты хочешь, чтобы он разучился слушать тишину?

Жаворонок выплюнул траву из клюва.

— Я хотел, чтобы он стал самым звонким!

— А я хочу, чтобы он не боялся тишины, — ответила Сова.

И добавила тише:

— Потому что когда-нибудь тишина станет его единственным голосом.

— Я... нашёл...

— Я воображала, ты попал в силки, — твердила Сова. — Что тебя

обманула и схватила Кукушка. Что закрыт в дупле...

— Но я же вернулся! — он не понимал. — Я принёс тебе зверобой!

Он...

— Да плевать на твой зверобой! — прошептала она. — Ты испарился.

На целый день. Ни слова. Ты думал, что я останусь тосковать?

— А ты думала, что я рад пропустить закат? — огрызнулся он,

поднимаясь на лапы. — Что я предпочитаю темноту твоего дупла солнцу? Я

не могу дышать ночью! Я не обязан отчитываться за каждый взмах крыла!

Жаворонок выронил траву. Сова отвернулась к стене.

В ту ночь они спали в разных концах гнезда. Между ними лежала холодная

ветка осины, словно граница. Посреди ночи Сова приот-

крыла глаза.

Жаворонок не спал — смотрел на неё. Она не отвернулась. Он не отвёл взгляда.

Голубочек проснулся, подошёл, клювом подхватил ветку и выбросил её из

гнезда. Вернулся. Лёг так, что его левое крыло коснулось тени мамы, а

правое — света папы. Не шелохнулся. Дышал ровно. Через три вдоха Сова

прижалась ближе. Жаворонок выдохнул в его пух. Ветка под дубом

превратилась в труху.

Ёжик слышал крики и побежал к Мышке. Но следы у норки уходили в темноту.

— Тоже испугалась, что я её уколую, — пронеслось в голове. — Проще сразу быть одному.

Свернулся в клубок и покатился прочь.

Звон ссоры разбудил Ворона. Шрам на крыле заныл — так болит старая

рана, что никогда не заживёт. Он вспомнил тот день: ветер, крик, пустоту

вокруг.

Он боялся, что дружба Сова и Жаворонка вновь накликает беду.

Но в глубине души Ворон почувствовал, что это — не страшно. Будто

кто-то гладил его по крылу и шептал: «Не бойся».

Ведь перед бурей отец молча принёс ему в гнездо сухие ветки, а мать

укрыла от дождя крылом.

К Ворону подлетела мошка, коснулась шрама и прошептала: «Поздно...»

Он нахмурился.

Дни шли за ночами. Ссоры вспыхивали, гасли и разгорались вновь. По ночам

Сова не смыкала глаз — смотрела на спящего Жаворонка. А он пел на

рассвете так громко, словно хотел заглушить её молчание.

Лес не шевелился в ожидании беды.

Солнце село. Тени вытянулись. Сверчки начали свою трель. Где-то внизу

прошуршала Мышка. Ветер утих. Тишина стала густой. Не пустой.

Наполненной дыханием корней, шелестом хвои, далёким плеском воды. Лес не

спал. Он слушал сам себя.

Ночью, пока Сова и Жаворонок спали, Кукушка прокрасилась в гнездо.

Вырвала перо из своего хвоста. Засунула под крыло Жаворонку. Шепнула: «В

вашем доме всё будет кувырком. День спутается с ночью». Улетела на соседнюю осину и стала ждать.

Утром Сова проснулась и заметила.

— Это не моё.

Жаворонок открыл один глаз.

— Я спал.

— Кто-то подложил.

Они посмотрели на Кукушку. Та сидела на сосне и что-то считала.

Жаворонок взял перо, подошёл к Сове и воткнул в хвост.

— Носи для украшения. Спасибо, что веришь мне и не стала меня

переделывать.

Сова моргнула.

— И я тебе благодарна за всё. Мы разные, поэтому и держимся вместе.

Кукушка поперхнулась желудем.

Голубочек проснулся. Мама и папа спали. Он достал перо Кукушки из хвоста

Совы и выбросил из гнезда.

Снизу поднялся рой светлячков. Облепили Голубочка с

головы до лап.

Сова проснулась от тепла. Увидела сына в светлом облаке.
Толкнула

Жаворонка. Тот открыл глаза и распахнул клюв.

Голубочек молчал и думал, что всё отдаст, чтобы родители перестали
кричать друг на друга.

Он лёг между родителями, накрыл обоих крыльями, как будто сказал «хватит
воевать».

Сова фыркнула: «Опять наш вечный миротворец».

Жаворонок улыбнулся: «В белом пуху, а командует, как старший».

Голубочек чихнул и засопел. Он уже понимал: мир держится не на словах, а
на том, кто объединяет.

Утром Жаворонок улетел встречать солнце один. Сова притворилась спящей.

Он обернулся уже в небе — она даже не пошевелилась.

— Ну и ладно, — стиснул клюв Жаворонок. — Буду теперь делать, что
хочу. Хоть луну встречать.

— Знаешь, сыночек, — сказала Сова проснувшемуся Голубочку, — твой

папа знал все травинки на лугу, спал где придётся, а его трель словно

крик: «Я здесь! Я есть!»

Прежде я пряталась в дупле от утреннего шума и рисовала углём на стенах

звёзды. Давала им имена: «Плачущий Король», «Тихая Лань». Однажды я

заметила, что они получились с трещинками. Я тогда за-
была, а теперь

вспомнила.

— Мам, — ответил Голубочек, потянувшись, — я люблю
тебя и папу одинаково!

Вечером Жаворонок сел рядом. Хотел запеть — и не смог.
Впервые в

жизни. Горло сжалось, как перед грозой.

Сова ждала. Безмолвие повисло между ними. Как застыв-
ший снег, что можно

было потрогать клювом.

— Пой, — разрешила она. — Я не рассыплюсь от твоего
света.

— А я не замёрзну от твоей темноты, — обрадовался он.

И тогда он запел. Не громко, но каждый звук можно было
потрогать крылом.

Сова начала покачиваться в плавном танце.

С каждой нотой Жаворонка и каждым кругом совиных крыльев в воздухе
вспыхивала звёздочка.

Потом показалось, что одно её перо на левом крыле чуть торчит. Он

захотел поправить, но не решился.

Когда лес успокоился, ветер пробежал по верхушкам. Барбарис загудел

низко. Берёза зашуршала высоко. Трава прижалась к земле и замерла.

А потом Голубочек выдохнул. Это был первый вздох нового дня.

В траве под дубом просыпались те, кто не спит по ночам, и засыпали те,

кто видел только утро.

И в тот же миг на пригорке у дуба вырос и распустился ярко-красный Мак.

Ветер дунул. Лепестки захлопали.

— Смотри, — улыбнулась Сова. — Лес тебя встречает.

Чёрный Ворон на старой сосне собирал всё, что теряли туристы. Среди

стекляшек и пуговиц лежал детский оранжевый ботинок. Он пах дождём.

Рядом — розовая ракушка. Внутри неё шумело море.

Ворон любил порядок. Тринадцать стекляшек. Восемь пуговиц. Один ботинок.

Одна ракушка.

— Порядок, — каркнул он утром и приложил к уху ракушку — море

молчало. Молчало — или это ему только казалось?

Потом достал детский ботинок, прижался к нему щекой.

— Тоже не родное, — прошелестел ветер.

Ворон отпрянул и спрятал ботинок обратно.

Заметив, как два муравья тащат соломинку, он каркнул: «Бесполезно» — и

провёл клювом по шраму.

— А мне можно послушать ракушку? — спросил Голубочек.

— Наверно, твоим родителям очень трудно с тобой! — буркнул Ворон,

— Ты как сюда попал, по небу что ли? Ты же ещё летать не умеешь!

Вечером Кукушка подкинула Ворону в гнездо разбитое зеркальце.

— Громко крикни «Пожар!», и оно твоё.

Ворон каркнул на весь лес:

— ПОЖАР! Кар!

Сова вылетела из гнезда, чтобы осмотреться.

Кукушка скользнула на опушку рядом с Жаворонком.

— Сова улетела. Навсегда. Я видела.

Жаворонок поднялся, помахал крылом Сове. Вернулись вместе.

Сова увидела Кукушку.

— Ах так?

Схватила её за загривок. Отнесла к луже. Бульк!

Кукушка вылезла. На голове — ряска. На крыле — Лягушка.

Лягушка спрыгнула и сказала:

— Ква. Тебе ряска подходит лучше, чем перья.

Кукушка осталась сидеть под сосной. Мокрая и холодная.

Лягушка вздохнула.

— Ты чего не улетаешь?

— Думаю, — сказала Кукушка.

— Долго думаешь. Слушай. А если бы они поссорились?

— Я бы стала счастливой, — сказала Кукушка.

— А они?

Кукушка подумала.

— А они бы помирились. Или нет.

— Тогда чего ты добиваешься?

Кукушка промолчала.

На дубе спали Сова, Жаворонок и Голубочек.

Светлячок сел на ветку над Кукушкой. Мигнул. Мигнул. Мигнул.

Кукушка встала, отряхнулась, сняла с головы ряску и

ушла в чашу.

Лягушка посмотрела ей вслед.

— Ква. Странная какая.

Кукушка днём пролетела мимо. Думала увидеть слёзы и драку.

Увидела в гнезде Ёжика с волнушками, Сова с зёрнами, Жаворонок с ежевикой.

— Что это? — спросила Кукушка.

— Пикник, — сказал Жаворонок. — Потому что середина суток и пора угоститься полдником.

— Но у вас всё кувыркком!

— Поэтому мы всегда вместе, — ответила Сова. — Нас не развести по расписанию.

Часть 1.4. Наводнение и красный мак

После обеда Ворон, как обычно, улетел за ягодами. Кукушка скользнула в его гнездо. Вытащила зеркальце. Подняла вверх. Поймала солнечный луч.

Направила в серое брюхо тучи. Туча лопнула. Вода хлынула стеной.

Зеркальце упало и уплыло неизвестно куда. Дождь бил по листьям, по земле, по крыльям.

Гнездо с Голубочком внутри качнулось и сорвалось. Поток поволок к реке.

Когда хлынул ливень, вода залила норку. Мышка дрожала в углу. И внезапно в отверстие просунулась колючая голова.
— Лезь на меня! — Ёжик заслонил вход. Вода хлестала по спине, но он стоял. Мышка вскарабкалась, цепляясь за иголки.

— Мама! — крикнул Голубочек.
Сова нырнула и ухватила за гнездо с одной стороны.
— Крепче держи свой край! — рявкнул Жаворонок и вцепился с другой стороны гнезда. Вода била в грудь. Холод пронизывал кости. Сова толкала.
Жаворонок тащил. Их движения стали синхронными. Один рывок. Второй.
Третий. Гнездо вылетело на глину.
Тяжело дыша, они упали рядом. Мокрые и уставшие.
— Жив? — выдохнула Сова.

— Цел, — просипел Жаворонок.

Голубочек поднял голову. Пискнул и замолчал.

Проснулось солнце.

Кукушка смотрела с ветки. В горле встал ком. Она раскрыла дрожащий клюв.

Кукукнула. Потом ещё. Слёзки покатались по перьям. Она таяла. Перья

падали и пропадали. Лапки растворялись. Осталась горькая лужица.

— Зачем я это сделала? — прошептала вода. Голос утонул в грязи.

Встал на лапки. Расправил мокрые крылья. Он не отряхнулся. Дождялся,

пока вода стечёт с перьев на землю. Капли впитались. Остался только

след.

Голубочек наступил на него. Почувствовал: земля тёплая. Даже после

ливня.

Посмотрел на маму. Посмотрел на папу. Встал между ними и поднял голову.

— Вы меня слепили из двух половин. Не делите, чья лучше. Я не выбираю

день или ночь. Я выбираю то, что между ними. Тишину, которая слышит.

Песню, которая лечит. Я выбираю вас обоих.

Родители переглянулись.

— Ты вырос. Теперь мы знаем цену слов, — сказала Сова.

— И цену молчания, — добавил Жаворонок.

Они обнялись. Крылья сплелись. Тени слились в одну.

Голубочек шагнул к лужице и посмотрелся в неё, как в зеркальце. Оттуда

помахало крыльями отражение из белого тумана. Чихнул.

Сова улыбнулась.

Жаворонок прыснул. Маленький, но чистый и сильный, он выпрямился,

развернулся к родителям и помахал крыльями. Сова утёрла глаза. Жаворонок

склонил голову.

— Ты колючий, — призналась Мышка. — Но мне почему-то приятно.

— Я ещё и полезный, — буркнул Ёжик. — Камушки дарю. Самые тёплые.

Мышка фыркнула: «Хвастунишка».

Ёжик смутился, выдохнул и прижался к Мышке, сидящей рядом.

— Всё плохое закончилось, — пообещал он. — Теперь всё будет хорошо.

Но отвернулся и вытер слезу.

После дождика пахло свежестью. Радуга спустилась к земле и отразилась в каждой лужице. Лес вздохнул — от корней до самых макушек. Даже камни чуть сдвинулись с мест.

— Красота! — воскликнул Мак, оглядевшись и размахивая листками и

лепестками. — Жизнь удивительна!

Из травы высунулась зелёная голова.

— Ты красный. Это прекрасно.

— А ты кто?

— Может быть, я та, кто тебя съест. Или другая. А, может быть, ты сам себя.

Мак остолбенел.

— Неизвестно, когда это будет, — Гусеница усмехнулась.

— И неизвестно когда. Поэтому расти, цветы, на мир смотри. А там видно будет.

Она свернулась под листком и прикрыла глаза, а Мак поднял голову к парящей Стрекозе: «Я красивый?»

Стрекоза зависла над ним: «Красный. А ты сомневаешься? Зря». И улетела.

Гусеница, не открывая глаз, добавила: «Некрасивых не бывает. Бывают те, кто не смотрит».

Мак взглянул на небо, на дуб, на Гусеницу: «Я буду смотреть».

Ветер качнул цветок. Мак ждал. Чего — не знал сам. Но чувствовал:

самое страшное и самое важное ещё впереди.

— Смотри, — зевнула Гусеница, — но глаза закрой. Иногда так виднее.

— Когда-нибудь и у меня вырастут крылья, — посмотрела в небо Гусеница.

Червячок улыбнулся и уткнулся в горячий бок Сердца леса. Оно ответило: бум.

Он отлепился и пополз дальше. Сквозь землю проходило что-то, чему

ещё только предстояло родиться. Он не знал что. Просто рыл.

С берёзы на цветок упала капля.

— Что это? — спросил Мак, отплёвываясь, — такая горячая и горькая.

Гусеница подняла голову. Посмотрела на берёзу.

— Кукушкины слёзки. С Дятлом не сложилось, он утомил все деревья. А

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.